

ОХОТНИЧИЙ ДОМИК НА НЕКРАСОВА В ЧУДОВЕ

Не всякого большого поэта можно по праву назвать народным, даже если он очень популярен и любим народом. О Некрасове же иначе и не скажешь, как о величайшем народном поэте. Убедительное свидетельство этому — не только повсеместно распеваемые русские песни «Ой, полна, полна коробушка...» и «Меж высоких хлебов...», но и (главным образом) все творчество Некрасова, от ранних произведений до предсмертного стона «Последних песен».

Были писатели, которых одолевала жажда народознания. Соединяясь с исследовательским любопытством и потребностью приключений и новых впечатлений, эта жажда гнала их скитаться по всей России, уводила в медвежьи углы Севера, Сибири, увлекала в путешествия по центральным и южным губерниям. В результате появлялись отмеченные острой наблюдательностью путевые заметки, записки, иной раз перераставшие в ценный обобщающий труд. Беспокойная деятельность таких писателей зачастую приобретала внелитературное значение (публицистическое, научно-краеведческое, даже лингвистическое!), не попадая при этом в сферу большой художественной литературы. Вспомним хотя бы в этой связи В. И. Даля.

Некрасову это, пожалуй, несвойственно. Для него Россия — деревенская, мужицкая — уместилась в одном «болотистом, низменном крае», близ Волги, и никак уж не дальше пределов Ярославской и Костромской губерний. Однако такое ограничение не стеснило его поэтического кругозора, не исказило его представлений о народной жизни в общерусском масштабе. По родной ярославской земле Некрасов бродил, скорее, как азартный охотник, чем как этнограф, — с ружьем, а не с записной «книжечкой» Павлуши Веретенникова из «Кому на Руси жить хорошо», но народный быт знал глубоко и достоверно. А главное, где бы он ни жил — в свете ли столичной петербургской жизни («захлестнут невскою волной»), за границей ли, — он никогда не порывал духовной связи с русским народом и своей «малой родиной»: это значило бы отречься от лучших детских и отроческих воспоминаний, от образа рано умершей матери.

Как певец русской природы, тонко чувствовавший ее непритязательную красоту, Некрасов был обязан тому же глухому уголку, окрестностям Грешнева, Волге. И, может быть, самым дорогим для поэта местом было сельцо Абакумцево с церковью и могилой:

В стороне от больших городов, Посреди бесконечных лугов, За селом, на горе невысокой — Вся бела, вся видна при луне Церковь старая чудится мне, И на белой церковной стене Отражается крест одинокий'.

